

WIACZESŁAW KRYŁOW

Казанский федеральный университет, Rosja

krylov77@list.ru

Отношение к собственной старости в дневниках Ивана Бунина

Цель данной статьи: на материале дневниковых записей Ивана Алексеевича Бунина рассмотреть отношение писателя к собственной старости.

Во многих произведениях Бунина говорится о людях, подошедших к концу жизни. Образ человека, находящегося в стадии старости, встречается уже в ранних рассказах, как в трагическом рассказе *Федосевна* (1891) о старухе, на склоне своих лет вынужденной побираться, не нашедшей тепла в доме собственной дочери и погибшей холодной осенью в дороге. Или в рассказе *Кукушка* (1898), повествующем о нелепой смерти непутевого старика-солдата. Герои его ранних произведений не могут обойтись без мыслей о прожитой жизни, о старости, как думает об этом впервые, оказавшийся на стариковском положении („не у дел”) Кастрюк из одноименного рассказа. А в рассказе *На хуторе* (1892) Капитон Иваныч, всю жизнь проживший одиноко, размышляет: „Как, в сущности, коротка и бедна человеческая жизнь! Давно ли он был мальчиком, юношей? Школа кантонистов — хорошо, что теперь их нет более! — голод, поездка к тетке...”¹. Нередко героев Бунина гнетут мысли о бесцельно прожитых годах, о том, как жизнь скоротечна. Тихон Ильич в повести *Деревня* (1910), вспоминая так быстро пролетевшие дни, „как вода меж пальцев”², глядя на фотографии уже ушедших из жизни знакомых людей, представляет себя уже умершим: „А через пять, десять лет будут говорить и про Тихона Ильича: Покойный Тихон Ильич...”³. Или такая сентенция персонажа: „Сколько его сверстни-

¹ И. Бунин, *Рассказы*, Москва 1983, с. 55.

² И. Бунин, *Собрание сочинений в девяти томах*, т. 3, ред. А. Мясников, Б. Рюриков, А. Твардовский, Москва 1965, с. 48.

³ *Ibidem*, с. 48–49.

ков на том свете! А от смерти да старости — спасенья нет⁴. Размышления о быстротечности жизни неотделимы от мыслей о смерти. В эмигрантский период образ человека преклонных лет и связанная с ним тема смерти еще более усиливаются (*Исход*, 1918; *Огонь пожирающий*, 1923; *К роду отцов своих*, 1927; *Алексей Алексеич*, 1927; *Молодость и старость*, 1936; *Возвращение в Рим*, 1944; *Ловчий*, 1946 и т. д.)⁵. Ими пронизаны и дневниковые записи, о которых пойдет речь далее.

Не каждый писатель доживает до возраста старости, хотя, разумеется, он может в своем творчестве изображать чужое сознание (персонажа), в том числе и далеко отстоящее от его собственного возраста в момент создания произведения. Например, Лев Толстой в *Войне и мире* (напомним, созданной в 1860-гг., после женитьбы, в промежутке от 1863 до 1869 гг., т.е. с 35 до 41 года) представляет старика Болконского и других персонажей преклонного возраста. Как, собственно, это делал и сам Бунин в упомянутых ранних произведениях, созданных совсем молодым двадцатилетним человеком (чуть более двадцати лет).

Однако рефлексировать на тему *собственной* старости/возраста писатель может, только достигнув ее. „Только тот, кто стал стар — отмечал Артур Шопенгауэр — получает полное и подобающее представление о жизни, обозревая ее во всей ее совокупности и естественном течении, особенно же не только со стороны входа как прочие, но и со стороны выхода”⁶. И здесь неоценимым источником выступают дневники, переписка, записные книжки и другая эго-документальная проза. Ведь размышления о времени относятся к одной из доминант дневникового жанра, наряду с пространством, время является философско-эстетической категорией, способом осмысления течения жизни и душевных переживаний автора⁷.

У Бунина не было столь громадного дневника, как у Толстого. К тому же Бунин неоднократно уничтожал записи, в дневнике имеются значительные временные перерывы⁸. Но и этого материала оказывается достаточно для реконструкции его отношения к старости. Другие эго-документальные источники такого материала практически не дают. Так, в его переписке с Алексеем Максимовичем Горьким (письмо от 11 ноября 1910 г.) мы встречаем единственную реплику о старости в связи со смертью Л. Толстого):

⁴ *Ibidem*, с. 53.

⁵ См. незавершенный и неопубликованный при жизни писателя рассказ *Смерть в Ялте*, „Новое литературное обозрение” 2015, № 134, с. 10–11.

⁶ А. Шопенгауэр, *Афоризмы и максимы*, перев. Ф.В. Черниговца, Санкт-Петербург 1991, с. 171.

⁷ О роли хронотопа в дневнике: О. Егоров, *Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра*, Москва 2003, с. 58–87.

⁸ Об истории публикации дневника Бунина, см.: S. Fedorovskaya, *Дневниковая проза И.А. Бунина: устойчивые темы*, Stockholm 2009.

„Худ и стар я стал — ужасно”⁹. Исследователь его жизни и творчества, Олег Михайлов, писал:

Замкнутый, можно даже сказать, всю жизнь одинокий, редко и трудно допускавший кого-либо в свое „святая святых” — внутренний мир, Бунин в дневниках с предельной искренностью и исповедальной силой раскрывает свое „я” как человек и художник, доверяет дневникам самые заветные мысли и переживания¹⁰.

Обращаясь к дневникам Бунина, следует учитывать фрагментарный способ повествования, отражающийся „не с углублением их автора в себя и отражением собственного сознания, а с фиксацией действительности”¹¹, с чем, отчасти, и связана, на наш взгляд, сдержанность автора в описании движений внутренней жизни, отсутствие в дневниках Бунина пространных рассуждений, описаний внутренних состояний. Их приходится почти „вылавливать” из общего потока размышлений о мире.

Но в дневниках, действительно, Бунин раскрывается иначе. Чуждый в творчестве рефлексии на отвлеченно-философские темы, Бунин „никогда не умничает”¹², но именно дневники дают „полученное из первых рук” представление о целом мироощущении Бунина, доносят непрерывный, слитый воедино „восторг и ужас бытия”, наполненного для него постоянными „думами об уходящей жизни”¹³. Для Бунина эта проблема приобретает особенное значение, поскольку „доминантой всего его творчества, его сверхзадачей”, по выражению исследовательницы его творчества, Ольги Сливичкой, является „создание интегрального образа повышенной жизни”¹⁴. Бунин „удерживает маятник на полюсе жизни, с ужасом, не отрываясь, глядя на полюс смерти. Любя жизнь чрезвычайно страстно, он постоянно борется со временем, умиранием, забвением, т.е. с тем, что жизни органично присуще”¹⁵.

Вот характерная запись Бунина из заготовок к *Жизни Арсеньева*:

...что вообще остается в человеке от целой прожитой жизни? Только мысль, только знание, что вот было тогда-то то-то и то-то, да некоторые разрозненные видения, некоторые чувства. Мы живем всем тем, чем живем, лишь в той мере, в какой постигаем цену того, чем живем. Обычно эта цена очень мала: возвышается она лишь в минуты восторга — восторга счастья или несчастья, яркого сознания приобретения или потери; еще — в минуты поэтического преображения прошлого в памяти¹⁶.

⁹ И.А. Бунин, *Письма 1905–1919 годов*, Москва 2007, с. 155.

¹⁰ О. Михайлов, *Бунин в своих дневниках*, [в:] *Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма*, ред. О. Михайлов, Москва 2006, с. 8.

¹¹ В.В. Федотова, *Поэтика дневниковой прозы И.А. Бунина*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Казань 2010, с. 12.

¹² Г. Адамович, *Одиночество и свобода*, Москва 1996, с. 39.

¹³ О. Михайлов, *Бунин...*, с. 8.

¹⁴ О.В. Сливичкая, *„Повышенное чувство жизни”: мир Ивана Бунина*, Москва 2004, с. 10.

¹⁵ *Ibidem*, с. 43.

¹⁶ И.А. Бунин, *Собрание сочинений...*, с. 366.

Достаточно рано в его дневнике появляются размышления о *психологии долголетнего человека* (запись от 29 июля 1911 г.):

Лежали с Колей (племянник Бунина) на соломе. О Петре Николаевиче — как интересна психика человека, прожившего такую изумительно однообразную и от всех внутренне сокровенную жизнь! Что должен чувствовать такой человек? [...] Потом о Таганке: какой редкий, ни на кого не похожий человек! И он — сколько этого однообразия пережил и он! За его век все лицо земли изменилось, и как он одинок! Когда умерли его отец и мать? Что это были за люди? Все его сверстники и все дети их детей уже давно-давно в земле [...] Из жизни долголетнего человека можно написать настоящую трагедию. Чем больше жизнь, тем больше, страшней должна казаться смерть. В 80 лет можно надеяться до 100 дожить. Но в 100? Больше не живут, смерть неминуема. А при таком долголетию как привыкает человек жить!¹⁷

В 1913 г., в связи с отъездом брата Юлия и созерцания „дивной погоды” появляется запись, отражающая характерные для всего бунинского творчества мотивы соединения восторга перед красотой природы и неосуществимости идеальных устремлений человека, недостижимости счастья и неизменного ощущения щемящей печали жизни:

Нынче уезжает Юлий. А наступила дивная погода. Страшно жалко его. Каждое лето — жестокая измена. Сколько надежд, планов! И не успел оглянуться — уже прошло! И сколько их мне осталось, этих лет? Содрогаешься, как мало. Как недавно было, напр., то, что было семь лет тому назад! А там еще семь, ну 14 — и конец! Но человек не может этому верить!¹⁸

Размышление на эту же тему от 18 августа 1917 г.:

В час уехал Юлий — в Москву. Лето кончилось! Грусть, боль, жаль Юлия, жаль лета, чувство горькой вины, что не использовал лета лучше, что мало был с Юлием, мало сидел с ним, катался. Мы вообще, должно быть, очень виноваты все друг перед другом. Но только при разлуке чувствуешь это. Потом — сколько еще осталось нам этих лет вместе? Если и будут эти лета еще, то все равно остается их все меньше и меньше. А дальше? Разойдемся по могилам! [...] А как тупы мы обычно! Как спокойны! И неужели нужна эта боль, чтобы мы ценили жизнь?¹⁹ (см. также запись от 8 октября 1917 г.).

Бунин на страницах дневника постоянно фиксирует очередные годовщины со дня своего рождения. Запись от двенадцатого октября 1917 г. отражает своего рода геронтофобский мотив: „Позавчера мне исполнилось сорок семь лет. Страшно писать, но порой и утешение мелькает — а, может быть, это еще ничего, может быть, я преувеличиваю значение этих лет?”²⁰. Процесс геронтофобии связан, как отмечают современные философы, со спецификой культуры Нового времени („модерна”):

¹⁷ Бунин и Кузнецова..., с. 80.

¹⁸ *Ibidem*, с. 59.

¹⁹ *Ibidem*, с. 80.

²⁰ *Ibidem*, с. 94.

..уже с конца XVIII-го столетия (а в особенности — со второй половины XIX-го века) пожилой человек все чаще воспринимается как враждебная политическому и социальному прогрессу сила, как „оплот реакции”, мешающий „молодым, новым поколениям” осуществить революционный скачок к социальному совершенству и явить миру торжество свободы и справедливости²¹.

Частым приемом повествования у Бунина является ретроспекция: рассказчик/повествователь вспоминает какие-то поразившие его моменты прошлого в связи с настоящим. В написанных вскоре автобиографических записях Бунин вспоминает „недавний день”, на рассвете которого ему исполнилось сорок девять лет:

По случайности или потому, что во сне все-таки теплилось во мне сознание, ощущение времени, условного деления и названия его, я проснулся в тот день как раз на рассвете. Нынче я родился, подумал я, и мне сорок девять лет. Ах, как страшна и велика казалась когда-то подобная цифра! Казалось когда-то, что это какое-то особое, почти страшное существо — человек, проживший пятьдесят, сорок, даже тридцать лет, какой-то директор гимназии, учитель с его очками, бородой и запахом табаку от фрака с золотыми пуговицами. И вот таким существом стал я сам²².

Исполненные подлинного трагизма мысли и наблюдения отражают присущую Бунину „оксюморонность” мироощущения — одержимость жизнью — замороженность смертью²³. Это точное определение своеобразия жизненной философии Бунина все же рождает вопрос: как соотносится оно с разными периодами жизни и творчества писателя? Изучение дневника показывает, что в годы эмиграции все-таки усиливается второй полюс антиномии — „замороженность смертью”.

Проблема и трагедия человека в том, что и его смертность, и его бессмертие не гармонизированы со смертностью и бессмертием природы. Сложность проблемы и острота трагедии определяются двойственностью положения человека в природе. С одной стороны, „нет никакой отдельной от нас природы”: и человек входит в природу как ее часть, и природа входит в человека, составляя его „внутреннее мировое пространство” (выражение — Райнер Мария Рильке). С другой стороны, личность отграничена пространством и временем, и бессмертный лик природы составляет тот фон, на котором неизбежность собственной смерти выступает особенно мучительно²⁴.

Безусловно, и ситуация изгнанничества вносила в мироощущение Бунина трагические ноты. Дневниковые записи фиксируют не только восприятие происходящего в данный момент (синхронный срез), но и диахронный срез — постоянные воспоминания о былом, прошедшем. В записи от 8/21

²¹ С. Лишаев, *Старость и современность*, „Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия. Философия. Филология” 2007, № 1, с. 73.

²² И. Бунин, *Автобиографические и литературные записи*, [в:] *Литературное наследство*, т. 84: *Иван Бунин*, кн. 1, ред. А.К. Бабореко, Москва 1973, с. 385–386.

²³ О.В. Сливичкая, „Повышенное чувство жизни”..., с. 83.

²⁴ *Ibidem*, с. 89.

июня 1921 г. соединяются и острота потери России, прошлого дореволюционного уклада жизни, и утрата прежней полноты жизни:

Страшна жизнь! Сон, дикий сон! Давно ли все это было — сила, богатство, полнота жизни — и все это было наше, наш дом, Россия! Полтава, городской сад. Екатеринбург[инослав], Севастополь, залив. Графская пристань, блестящие морск. офицеры и матросы, длинная шляпка в десять гребцов... Сибирь, Москва, меха, драгоценности, сиб[ирский] экспресс, монастыри, соборы, Астрахань, Баку [...] И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже посл. родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, — как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость Божия²⁵.

Ср. с размышлениями героя раннего рассказа *На хуторе* (1892). Известие о смерти Анны Григорьевны приводит Капитона Иваныча к воспоминаниям о давних надеждах на возможное счастье с ней, одновременно он воображает и себя уже умершим, не в силах понять, как же весь мир окружающий будет существовать без него:

Где же это все девалось, все прежнее? [...] Как же это так? — сказал он вслух. — Будет все по-прежнему, будет садиться солнце, будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля... будут зори в рабочую пору, а я ничего этого не увижу, да не только не увижу — меня совсем не будет! И хоть тысяча лет пройдет — я никогда не появлюсь на свете, никогда не приду и не сяду на этом бугре! Где же я буду?

Бунин считал, что при воспоминании „вспоминается и чувство, которое было в минуту того, о чем вспоминаешь”²⁶. Нередко у Бунина это воспоминание рождалось, видимо, ассоциативно, под впечатлением чувств и мыслей от прочитанного:

Без четверти пять, мой любимый час и вид из окна (на закат, туда, к Марселю). Лежал, читал „Письма” Мансфильд, потом закрыл глаза и не то подумал (соверш. неизвестно, почему) о кукованье кукушки, о дали какого-то весеннего вечера, поля, леса, не то услышал это кукованье и тотчас же стал действительно слышать где-то в далекой и глухой глубине души, вспомнил вечер нынешней весной, похожий на русский, когда возвращались с Фондаминскими из С. Валье, вспомнил его, этот вечер, уже как бесконечно-давний молодой и счастливо-грустный, и все это связалось с какими-то воспоминаньями и чувствами моей действительной молодости... Есть ли вообще голос птицы прелестней, грустней, нежней и юней голоса кукушки!²⁷

В дневнике 1921 года появляются размышления на тему „творчество и старость”. Творческий кризис Бунин расценивает как проявление подступающей старости и упадка творческих сил, хотя, как свидетельствует запись, он не хочет в это верить.

Все дни, как и раньше часто и особенно эти последн. проклятые годы, м. б., уже погубившие меня, — мучения, порою отчаяние — бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ [...]. Нынче неожиданно начал „Косцов”, хотя, пописав,

²⁵ Бунин и Кузнецова..., с. 128.

²⁶ *Ibidem*, с. 240.

²⁷ *Ibidem*, с. 144.

после обеда, вдруг опять потух, опять показалось, что и это ничтожно, слабо, что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока, да еще не в меру интимная, что уже спета моя песенка. Утешаю себя только тем, что и прежде это бывало, особенно перед „Госп[одином] из С. Фр[анциско]”, хотя можно ли сравнить мои теперешн. силы, и душевн. и физич. с силами того времени? Разве та теперь свежесть чувств, волнений! Как я страшно притупился, постарел даже с Одессы, с первой нашей осени у Буковецкого! Сколько я мог пить почти безнаказанно по вечерам (с ним и с Петром, как вино переполняло, раскрывало душу, как говорилось, как все восхищало — и дружба, и осень, и обстановка чудесного дома!²⁸

Близкие по теме рассуждения, доносящие до нас взгляд Бунина на существо писательского творчества, находим мы и в автобиографических записях, датированных тем же ноябрем 1921 г.:

Во все времена и века, с детства до могилы томит каждого из нас неотступное желание говорить о себе — вот бы в слове и хотя бы в малой доле запечатлеть свою жизнь — и вот первое, что должен я засвидетельствовать о своей жизни: это нерасторжимо связанную с нею и полную глубокого значения потребность выразить и продлить себя на земле. Я прожил почти полвека. Но мне когда-то сказали это — то, что я родился в таком-то году, в такой-то день и час: иначе я не знал бы не только дня своего рождения, — а следовательно, и счета прожитых мною лет, — но даже и того, что я существую в силу именно рождения. Да и вообще странна основа моей жизни: стоит мне мало-мальски задуматься над этой жизнью — тотчас же непонимание, ничем не разрешающееся удивление²⁹.

Но трагическое мироощущение усугублялось и уходом из жизни близких людей (брата Юлия): „Каждый день по 100 раз мысль вроде такой: Вот я написал 3 новых рассказа, но теперь Юлий уже никогда не узнает их — он, знавший всегда каждую мою новую строчку, начиная с самых первых озерских!”³⁰. Острое ощущение красоты природы еще более обостряет в Бунине горечь утраты, все больше в дневник вторгаются воспоминания картин молодости:

Солнце, облака, весна, хотя еще прохладно. Вышел на балкон — 5-ый час — в чистом, углубляющемся небе одно круглое белое облако висит. Вспомнил горы, Кавказ, небо синее, яркое и в нем такое же облако, только ярче, белее — за что лишил меня Бог молодости, того, теперь уже далекого времени, когда я ездил на юг, в Крым, молодой, беззаботный, люди — родины, близких? Юлий, наша поездка на Кавказ... Ах, как бесконечно больно и жаль того счастья!³¹

Запись в день рождения (10/23 октября 1922 г.) фиксирует уже своеобразную примиренность с ситуацией возраста: „День моего рождения. 52. И уже не особенно сильно чувствую ужас этого. Стал привыкать, притупился”³².

²⁸ *Ibidem*, с. 129–130

²⁹ И. Бунин, *Автобиографические...*, с. 385–386.

³⁰ *Бунин и Кузнецова...*, с. 132.

³¹ *Ibidem*, с. 135.

³² *Ibidem*, с. 139.

Его не покидает острое ощущение красоты, соединенное с осознанием бессмертия природы и неизбежности собственной смерти:

Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах! Для этого Эстереля и еще тысячу лет ровно ничего, а для меня еще год долгой со счета — истинный ужас.

И чувство это еще ужаснее от того, что я так бесконечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты. Кто же знает, не последнее ли это мое лето не только здесь, но и вообще на земле!³³

Появляются простые человеческие мечты о постоянном месте проживания:

Ах, если бы перестать странствовать с квартиры на квартиру! Когда всю жизнь ведешь так, как я, особенно чувствуешь эту жизнь, это земн[ое] существование как временное пребывание на какой-то узловой станции!³⁴ „Если бы теплая, большая комната, с топящейся голландской печкой! Даже и этого никогда не будет. И уже прошла жизнь³⁵.”

Наряду с ретроспективными выходами, в дневнике много элементов проспекции. Предвосхищая собственный конец, Бунин называет число лет, сколько ему, быть может, осталось жить на свете, выражает удивление на состояние мира после своей смерти. Очень любопытно свидетельство от 29 марта 1940 г. Оно отражает постоянный интерес писателя к загадке человеческого «я»: „Лежу, читаю, порой смотрю в солнечно. окна и думаю, — о том своем я, которое живет и сознает себя уже лет 60 — и это я думает, что лет через 5, много 10, его не будет. И не будет оно ничего видеть и думать. Странно!”³⁶

На фоне бурно текущей современности (война, убийство Льва Троцкого, вторжение итальянских войск в Египет, смерть Невилла Чемберлена, нападение Адольфа Гитлера на Россию) Бунин размышляет о своей утекающей жизни. Все чаще в записях Бунина появляется определение „последних дней”. Почти как всегда у Бунина, это чувство рождается от воспоминания о той радости жизни, которой он был полон. „Радость жизни для Бунина — не блаженное и безмятежное эпикурейское состояние, а чувство экстатическое, напряженное, трагичное, окрашенное тоской и тревогой”³⁷.

Ночь, темная полоса леса вдаль и над ним звезда — смиренная, прелестная. Это где-то, когда-то на всю жизнь поразило в детстве... Боже мой, Боже мой! Было и у меня когда-то детство, первые дни моей жизни на земле! Просто не верится! Теперь только мысль, что они были. И вот идут уже последние³⁸.

³³ *Ibidem*, с. 142.

³⁴ *Ibidem*, с. 143.

³⁵ *Ibidem*, с. 144.

³⁶ *Ibidem*, с. 156.

³⁷ Ю. Мальцев, *Иван Бунин*, Франкфурт н/М 1994, с. 30.

³⁸ *Бунин и Кузнецова...*, с. 161.

И все же нельзя забывать, что перед нами дневник не обычного человека, а дневник *писателя*. Поэтому он отражает моменты, имеющие отношение к писательской деятельности (круг чтения, отношение к прочитанным книгам, воспоминание о Нобелевской премии, заметки на тему творчества в целом и отдельных писателей, встречи с писателями, замыслы, переживание и преодоление творческого кризиса и т.д.). Все эти темы поданы, в том числе, и через призму осознания скоротечности жизни, нарастающей боязни нереализовать задуманное. „Нынче ночью проснулся с мыслью, которая со сна показалась ужасной: «Жизнь Арс[еньева]» может остаться не конченной! Но тотчас с облегчением подумал, что не только «Евг. Онегин», но не мало и других вещей Пушкин не кончены, и заснул»³⁹.

Старость воспринимается через уход современников (смерть Константина Бальмонта, Дмитрия Мережковского, Сергея Рахманинова, Алексея Толстого и др.).

Дневники Бунина дают развернутое представление о круге чтения писателя. В связи с разнообразными событиями внутренней и внешней жизни, Бунин обращается к мыслям и творчеству писателей и поэтов. Начиная с записей 1940 г. в дневнике при упоминании о прочитанном появляется мотив *последнего* чтения или перечитывания.

После 70 лет Бунин ощущает, как ускоряется течение времени. Здесь, по словам Шопенгауэра, господствует общая психологическая закономерность: „время нашей жизни имеет ускорительное движение, как катящийся вниз шар... Жизнь наша при взгляде на нее в начале поприща кажется бесконечной, а при оглядке на нее в конце — очень короткой»⁴⁰. Осознавая, что он уже не вернется, как раньше, к любимым книгам, Бунин стремится запечатлеть это впечатление: „Вчера еще читал *Вечерние огни* Фета — в который раз! (Теперь, верно, уже в последний в жизни)»⁴¹. „Кончил перечитывать *Madame Bovary*, начал перечитывать *Былое и думы*. У Герцена многое очень скучно. Перечитываю, скорее всего, в последний раз в жизни — немного мне осталось лет»⁴².

Бунин все острее ощущает жизнь как *целое* в контексте большого исторического времени. Больше появляется итоговых размышлений, общей оценки прожитой жизни:

Три раза в жизни был я тяжело болен по 2, по 3 года подряд, душевно, умственно и нервно. В молодые годы оттого так плохо и писал. А нищета, а неприютность почти всю жизнь! А несчастные жизни отца, матери, сестры! Вообще, чего только я не пережил! Революция, война, опять революция, опять война — и все с неслыханными

³⁹ *Ibidem*, с. 176.

⁴⁰ А. Шопенгауэр, *Афоризмы...*, с. 170.

⁴¹ *Бунин и Кузнецова...*, с. 166.

⁴² *Ibidem*, с. 191.

зверствами, несказанными низостями, чудовищной ложью и т.д.! И вот старость — и опять нищета и страшное одиночество — и что впереди⁴³.

После 70 лет в дневнике все чаще встречается настроение печали, уходящей жизненной остроты. Бунин сравнивает себя, сегодняшнего, и того, когда он приехал сюда, в Париж 28 марта 1920 г.: „Приезд в Париж 28 марта 20 г., каштаны, новизна и прелесть всего (вплоть до колбасных лавок...). Какая была еще молодость! Праздничные дни были для всех нас”⁴⁴. То есть приезд его пятидесятилетним он воспринимает еще как молодость. Каждый конец года Бунин сопровождает записью о прожитом годе, как, например, запись от 31 декабря 1942 г.: „Еще год прожит из маленькой человеческой жизни!”⁴⁵.

На какой-то период геронтофобские мотивы уходят на второй план, и Бунин словно забывает о них. Это происходит в момент творческого подъема (период написания новелл из книги *Темные аллеи*). Ночная запись (с 8 на 9-е мая 1944 г.). В час ночи Бунин встает из-за стола, чтобы дописать несколько строк *Чистого понедельника*:

Погасил свет, открыл окно проветрить комнату — ни малейш. движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где шелкание первых соловьев... Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и в работе!⁴⁶

В последних сохранившихся дневниковых записях Бунин выражает сожаление по поводу того, как многого не ценил в жизни, но этого уже не вернуть.

Последняя запись от 2 мая 1953 г.:

Это все-таки поразительно до столбняка! Через некоторое очень малое время меня не будет — и дела и судьбы всего, всего будут мне неизвестны! И я приобщусь к Финикову, Роговскому, Шмелеву, Пантелеймонову!.. И я только тупо, умом стараюсь изумиться, устраситься!⁴⁷.

Рассмотрение дневника Бунина с выбранной точки зрения, таким образом, позволяет заключить, что отношение писателя к старости претерпевает определенную эволюцию — осознание приближающей старости, принятие ее неизбежности, желание продлить годы, чтобы завершить начатое, творческие планы и трагическое предвестие конца жизни. Авторская рефлексия по поводу старости и самого феномена конца жизни сопровождается присущим Бунину соединением в его мироощущении острого чувства смерти с сильнейшей жаждой жизни. Такая двойственность в мировоззрении Бунина опреде-

⁴³ *Ibidem*, с. 186.

⁴⁴ *Ibidem*, с. 196.

⁴⁵ *Ibidem*, с. 215.

⁴⁶ *Ibidem*, с. 225.

⁴⁷ *Ibidem*, с. 232.

ляет характер его размышлений в дневнике. Состояние творческого подъема, пережитого даже в старости, на какое-то время отодвигает геронтофобские настроения. Сопоставление с близкими настроениями и мотивами быстротечности жизни и ощущения *senilia*, представленными в прозе писателя, показывает, что предвосхищаемое переживание этого феномена владело Буниным постоянно. А дневник как некий синтез документального и художественного начал, фиксируя пережитое, по существу, варьирует и продолжает те же мотивы, что были заложены уже в ранней художественной прозе Бунина.

Библиография

- Адамович Г., *Одиночество и свобода*, Москва 1996.
- Бунин И.А., *Автобиографические и литературные записи*, [в:] *Литературное наследство*, т. 84: *Иван Бунин*, кн. 1, ред. А.К. Бабореко, Москва 1973.
- Бунин И.А., *Письма 1905–1919 годов*, ред. О.Н. Михайлов, Москва 2007.
- Бунин И.А., *Рассказы*, ред. А. Саакянц, Москва 1983.
- Бунин И.А., *Смерть в Ялте*, „Новое литературное обозрение” 2015, № 134.
- Бунин И.А., *Собрание сочинений в девяти томах*, т. 3 и 9, ред. А. Мясников, Б. Рюриков, А. Твардовский, Москва 1965.
- Бунин и Кузнецова. *Искусство невозможного. Дневники, письма*, ред. О. Михайлов, Москва 2006.
- Егоров О., *Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра*, Москва 2003.
- Лишаев С., *Старость и современность*, „Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия. Философия. Филология” 2007, № 1.
- Мальцев Ю., *Иван Бунин*, Франкфурт н/М 1994.
- Сливицкая О.В., *„Повышенное чувство жизни”: мир Ивана Бунина*, Москва 2004.
- Федотова В.В., *Поэтика дневниковой прозы И.А. Бунина*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Казань 2010.
- Шопенгауэр А., *Афоризмы и максимы*, перев. Ф.В. Черниговца, Санкт-Петербург 1991.
- Fedorovskaya S., *Дневниковая проза И.А. Бунина: устойчивые темы*, Stockholm 2009.

The attitude to his own senility in the private diary of Ivan Bunin

Summary

In the article on the material of the Bunin's diary the writer's attitude to his own age is considered. The author's reflection on the phenomenon of aging is investigated through the prism of the unity immanent to Bunin of an acute sense of the death of the strongest thirst for life. This duality in the worldview of Bunin determines the nature of his prose and his thoughts in a diary. Along with his diary are used his correspondence, his poetry and fiction associated with self documentary discourse. The article reveals the dynamics and evolution of the perception his own age by Bunin.

Keywords: Ivan Bunin, diary, senility, death, memory

Ставлення до власної старости в щоденниках И.О. Буніна

Резюме

У статті на матеріалі щоденникових записів І.О. Буніна розглядається ставлення письменника до власної старости. Авторська рефлексія з приводу феномена старости досліджується крізь призму властивого Буніну з'єднання в його світовідчуттіг острого почуття смерті з найсильнішою жагою до життя. Така подвійність у світогляді Буніна визначає характер його художньої прози і роздумів у щоденнику. Поряд з щоденниковими записами залучається листування Буніна, а також його вірші і художня проза, пов'язана з автодокументальним дискурсом. У статті виявлена динаміка і еволюція в днюшення Буніна до власної старости.

Ключові слова: І.О. Бунін, щоденник, старість, смерть, пам'ять

КОРЕКТА